

Гвенди и ее волшебное перышко

Автор:

Ричард Чизмар

Гвенди и ее волшебное перышко

Ричард Чизмар

Вселенная Стивена Кинга Гвенди #2

С тех пор как Гвенди Питерсон в последний раз видела таинственного незнакомца в аккуратной черной шляпе, минуло пятнадцать лет. Она давно стала взрослой женщиной, известной писательницей и конгрессменом – и вполне довольна своей жизнью.

Впереди же ее ждут рождественские каникулы в родном Касл-Роке в уютном семейном кругу... Но незадолго до отъезда в ее рабочем кабинете вновь появляется тот самый пульт управления!

Как он к ней попал? Почему именно сейчас? И сможет ли он помочь теперь, когда в Касл-Рок пришла новая беда: маньяк по прозвищу Зубная Фея уже похитил двух девочек. Шериф Норрис Риджвик и его команда ведут отчаянные поиски, а времени остается все меньше, чтобы вернуть девочек домой живыми...

Ричард Чизмар

Гвенди и ее волшебное перышко

Повесть

Каре, Билли и Ною – настоящим волшебникам в моей жизни

Richard Chizmar

Gwendy's Magic Feather

* * *

Печатается с разрешения автора и литературных агентств Nelson Literary Agency, LLC и Jenny Meyer Literary Agency, Inc.

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers. Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

© Richard Chizmar, 2019

© Foreword. Stephen King, 2019

© Interior Artwork. Keith Minnion, 2019

© Cover Artwork. Ben Baldwin, 2019

© Перевод. Т. Покидаева, 2019

© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

Как Гвенди спаслась от забвения

Сочинение историй – это по сути игра. Когда автор садится писать, это уже не игра, а работа, но на стадии замысла все начинается с простой игры воображения. Ты задаешься вопросом: «Что было бы, если бы...» – и даешь волю фантазии. Такой подход требует такта, непредубежденности и открытого сердца, исполненного надежды.

Четыре года назад – или, может быть, пять лет назад, я точно не помню, но это наверняка было в то время, когда я работал над трилогией о Билле Ходжесе, – у меня появилась идея о современной Пандоре. Как мы помним, Пандора из мифа была любопытной девчонкой, получившей в подарок от Зевса волшебный ларец. Из-за своего окаянного любопытства (истинного проклятия человечества) она открыла ларец, откуда вырвались бедствия и несчастья, разлетевшиеся по миру. Интересно, что было бы, подумал я, если бы современной девчонке подарили подобный ларец, только дарителем стал бы не Зевс, а таинственный незнакомец?

Мне понравилась эта идея, и я сел писать повесть под названием «Гвенди и ее шкатулка». Если вы спросите, откуда взялось имя Гвенди, я не смогу дать ответ. Точно так же, как не смогу дать ответ, когда именно я написал первые двадцать или тридцать страниц. Возможно, оно родилось из сочетания имен Венди Дарлинг, подруги Питера Пэна, и Гвинет Пэлтроу или просто возникло у меня в голове (как имя Джона Рейнберда из «Воспламеняющей»). В любом случае, мне сразу представился пульт управления – большая шкатулка из красного дерева с разноцветными кнопками, по одной для каждой части света: нажмешь какую-то кнопку, и в соответствующей части света случится большая беда. Я добавил еще черную кнопку, которая уничтожит весь мир, и – просто чтобы поддерживать интерес у хранителя пульта – маленькие рычажки по бокам. Рычажки, которые выдают притягательное угощение.

Возможно, мне тогда вспомнился мой любимый рассказ Фредерика Брауна «Оружие». К герою рассказа, ученому, работающему над созданием сверхмощной бомбы, приходит ночной гость – незнакомец, который умоляет его прекратить изыскания. У ученого есть сын, как сейчас говорят, «с ограниченными умственными способностями». Выпроводив полуночного гостя, ученый видит, что его сын играет с заряженным револьвером. Рассказ кончается словами: «Только безумец может дать идиоту заряженное оружие».

Пульт управления, доставшийся Гвенди, и есть пресловутое заряженное оружие, и хотя сама Гвенди далеко не идиотка, она всего лишь ребенок. И я задался

вопросом: что она будет делать с пультом управления? Быстро ли подсядет на волшебные шоколадки? Сколько времени продержится, прежде чем любопытство возобладает и она все же нажмет одну из кнопок – просто чтобы посмотреть, что из этого выйдет? (Джонстаун, как оказалось.) Разовьется ли у нее пунктик насчет черной кнопки – той самой кнопки, которая уничтожит весь мир? Может быть, эта история закончится в какой-то особенно паршивый день, когда Гвенди нажмет черную кнопку и устроит апокалипсис? Насколько все это неправдоподобно в мире, где накопленного ядерного оружия с лихвой хватит, чтобы уничтожить всю жизнь на Земле на тысячи лет вперед? В мире, где среди тех, у кого есть доступ к такому оружию, иногда попадаются настоящие психи?

Поначалу история шла хорошо, но потом я начал выдыхаться. Такое со мной бывает нечасто, но иногда все же бывает. У меня есть, наверное, около двух дюжин незавершенных рассказов (и как минимум два романа), которые крепко меня подвели. (Или, может быть, это я их подвел.) Похоже, затык приключился в том месте, где Гвенди пытается сообразить, как спрятать пульт от родителей. Все стало как-то слишком уж сложно. Хуже того: я не знал, что будет дальше. Я забросил историю Гвенди и переключился на что-то другое.

Прошло два года – или, может, чуть больше. Я периодически думал о Гвенди и об опасном волшебном пульте, но никаких новых идей в голову не приходило. В общем, история так и висела на рабочем столе моего компьютера, в нижнем углу экрана. Пока не стертая, но явно заброшенная.

А потом мне пришло электронное письмо от Ричарда Чизмара, основателя и главного редактора издательства «Семетери дэнс» и автора очень хороших рассказов в жанре фэнтези/ужасов. Он предлагал – я так думаю, исключительно для поддержания разговора, без реальных надежд на мое согласие, – чтобы мы с ним написали что-нибудь в соавторстве или чтобы я поучаствовал в каком-нибудь серийном проекте, когда несколько авторов пишут разные части одной большой истории. Идея с серийным проектом меня совсем не прельстила, потому что такие истории редко получаются интересными, но идея с соавторством мне понравилась. Я знаю, как хорошо пишет Рич, особенно о жизни в маленьких городках и тихих пригородах. Он непринужденно описывает барбекю на заднем дворе, детишек на велосипедах, поездки в «Уолмарт», семейные вечера с попкорном перед телевизором... а потом пробивает дыру в мирной ткани повествования, привнося элемент сверхъестественного и ужасного. Рич пишет рассказы, в которых хорошая жизнь вдруг превращается в кошмар. Я подумал, что если кто-то и сможет закончить историю Гвенди, так это Рич. И надо

признаться, мне было любопытно, как он справится с этой задачей.

Если коротко, справился он блестяще. Я переписал кое-что из его частей, он переписал кое-что из моих, и у нас получился настоящий маленький шедевр. Я вечно буду ему благодарен за то, что он не дал Гвенди умереть медленной смертью в нижнем правом углу на моем рабочем столе.

Когда Рич предложил написать продолжение ее истории, я отнесся к этому с интересом, но без особого энтузиазма. «О чем тут писать?» – спросил я. Он задал мне встречный вопрос: нравится ли мне идея, что Гвенди, теперь уже взрослая, стала депутатом конгресса и что в ее жизни вновь появился пульт управления... вместе с его таинственным владельцем, человеком в маленькой черной шляпе.

Идея мне нравилась. Она была очень правильной. Мне даже стало завидно (немножко, но все же), что не я это придумал. Властные полномочия Гвенди в политическом механизме перекликались с пультом управления. Я сказал Ричу, что одобряю его идею, и дал добро на ее воплощение. Если честно, я бы сказал то же самое, если бы он предложил сделать Гвенди астронавтом и отправить ее в другую галактику сквозь искривленное пространство. Потому что Гвенди принадлежит не только мне, но и ему. Наверное, ему даже в большей степени, потому что без вмешательства Рича ее бы и вовсе не существовало.

В истории, которую вы собираетесь прочитать – как же вам повезло! – потрясающее мастерство Рича проявляется в полной мере. Он отлично описывает Касл-Рок и его жителей, самых обыкновенных людей. Мы с ними знакомы, мы за них переживаем. Нам не все равно, что с ними будет. И нам не все равно, что будет с Гвенди. Сказать по правде, я в нее прямо влюбился. И я рад, что она снова с нами.

Стивен Кинг

17 мая 2019 года

В четверг, 16 декабря 1999 года, Гвенди Питерсон просыпается до рассвета, одевается потеплее – на улице холодно – и выходит на утреннюю пробежку.

Давным-давно, в незапамятные времена, она ходила, еле заметно прихрамывая на поврежденную правую ногу, но полгода интенсивной физиотерапии и ортопедический вкладыш в любимых кроссовках «Нью бэланс» решили эту проблему. Теперь Гвенди бегают три-четыре раза в неделю, предпочтительно – на рассвете, когда город только готовится к пробуждению.

Многое произошло за пятнадцать лет с тех пор, как Гвенди окончила Университет Брауна и уехала из родного Касл-Рока, штат Мэн, но обо всем – в свое время. А сейчас мы вместе с ней пробежимся по городу.

После легкой разминки на бетонных ступенях своего арендованного таунхауса Гвенди бежит по Девятой улице, подошвы кроссовок мерно стучат по присыпанному солью асфальту. На пересечении с Пенсильвания-авеню она поворачивает налево и бежит дальше, мимо Мемориала военно-морского флота и Национальной галереи искусства. Даже в разгар зимы фасады музеев ярко освещены, гравийные и асфальтовые дорожки расчищены; деньги налогоплательщиков не пропадают зря.

На подходе к Национальной аллее Гвенди слегка ускоряется, ощущая приятную легкость и силу в ногах. Ее собранные в хвост волосы торчат из-под вязаной шапочки и шуршат при каждом шаге, соприкасаясь с толстовкой. Гвенди бежит вдоль Зеркального пруда (летом здесь живут утки и прочие птицы, но зимой они улетают в теплые края, и без них даже вроде как скучно) к мемориалу Джорджа Вашингтона. Она делает круг по освещенной дорожке вокруг обелиска и берет курс на восток, к зданию Капитолия. На этом участке корпуса музейного комплекса Смитсоновского института тянутся вдоль аллеи с обеих сторон, и Гвенди вспоминает свою первую поездку в Вашингтон.

В то лето ей было десять, родители привезли ее в Вашингтон, и три долгих жарких дня они бродили по городу с утра до ночи. Под вечер возвращались в гостиницу, в изнеможении падали на кровати и заказывали ужин в номер – небывалая роскошь для семьи Питерсонов, но у них просто не было сил принимать душ и идти в ресторан. Утром последнего дня в Вашингтоне папа сделал семейству сюрприз: купил билеты на экскурсию на велотакси. Им было тесно втроем на сиденье, но все равно весело: они ели мороженое, и смеялись, и глазели по сторонам, а гид, крутивший педали, катал их по Национальной аллее.

Даже в самых смелых мечтах Гвенди не представляла себе, что когда-нибудь будет жить и работать в столице. Если бы ей сказали об этом еще полтора года назад, она бы решительно заявила, что такого не может быть. Жизнь – странная штука, размышляет она теперь, направляясь в сторону Девятой улицы. Жизнь полна сюрпризов – и не все сюрпризы приятные.

Национальная аллея осталась позади. Гвенди полной грудью вдыхает морозный воздух и ускоряет темп, выходя на финишную прямую к дому. Улицы потихонечку оживают, появляются первые прохожие, из картонных коробок выползают бездомные, гремят мусоровозы, объезжающие квартал. Гвенди уже видит впереди разноцветные огоньки рождественской гирлянды, мерцающие в ее эркерном окне. Пора поднажать для финального спринтерского рывка. Сосед из дома напротив что-то кричит ей и машет рукой, но Гвенди не видит его и не слышит. В это морозное декабрьское утро ее ноги движутся с силой и изяществом, но ее мысли далеко-далеко.

2

Даже с влажными волосами и почти без косметики Гвенди выглядит великолепно, что подтверждается восхищенными – и несколькими откровенно завистливыми – взглядами других пассажиров в переполненном лифте. Оливия Кепнес, когда-то лучшая подруга Гвенди, будь она жива (прошло столько лет, а Гвенди до сих пор вспоминает ее чуть ли не каждый день), сказала бы, что Гвенди выглядит на миллион долларов с мелочью. И была бы права.

В простых серых брюках, белой шелковой блузке и туфлях на удобном низком каблуке (практичная обувь, слова ее мамы) Гвенди смотрится лет на десять моложе своих тридцати семи. Если бы кто-то сказал ей об этом, она стала бы горячо возражать – и напрасно. Как говорится, с правдой не поспоришь.

Тихонько звякнув, лифт останавливается на третьем этаже. Двери открываются. Гвенди и еще двое ее коллег выходят и встают в конец небольшой очереди у контрольно-пропускного пункта. На входе дородный охранник с нагрудным жетоном и табельным пистолетом в кобуре на поясе сканирует именные служебные пропуска. У него за спиной молодая сотрудница службы охраны

пристально смотрит в монитор рядом с рамкой металлодетектора.

Подходит очередь Гвенди. Она достает ламинированный пропуск из большой кожаной сумки и вручает его охраннику.

– Доброе утро, госпожа конгрессмен Питерсон. День обещает быть напряженным? – Просканировав пропуск, охранник отдает его Гвенди с дружелюбной улыбкой.

– У нас все дни напряженные, Гарольд, – говорит она, подмигнув. – Сами знаете.

Он улыбается еще шире, демонстрируя две золотые коронки на передних зубах.

– Знаю, но никому не скажу.

Гвенди смеется и идет дальше. Охранник ее окликает:

– Передавайте большой привет мужу.

Она оборачивается к нему, поправляя сумку на плече.

– Спасибо, Гарольд. Обязательно передам. Если все будет нормально, он вернется домой к Рождеству.

– Дай-то Бог, – говорит Гарольд и крестится. Потом обращается к следующему сотруднику, забирая у него пропуск: – Доброе утро, господин конгрессмен.

3

Кабинет у Гвенди просторный и светлый. Бледно-желтые стены украшены большой картой Мэна, прямоугольным зеркалом в строгой посеребренной раме и вымпелом Университета Брауна. Яркий, теплый свет льется с потолка прямо на письменный стол из красного дерева. На столе – телефон, настольная лампа, ежедневник, компьютер, клавиатура и многочисленные документы,

разложенные по стопкам. Прямо напротив стола, у противоположной стены, стоит кожаный диван. Перед диваном – журнальный столик, заваленный разнообразными журналами. Сбоку – еще один столик, с кофемашиной. В дальнем углу – шкаф для бумаг с тремя выдвижными ящиками и книжная полка, где стоят книги в переплетах, всякие сувенирные безделушки и фотографии в рамках. На первой из двух самых больших фотографий – загорелая, улыбающаяся Гвенди рука об руку с бородатым красавцем. Снимок сделан в Касл-Роке, на параде в честь Четвертого июля, два года назад. На второй фотографии – совсем юная Гвенди у подножия мемориала Вашингтона вместе с мамой и папой.

Гвенди садится за стол, кладет подбородок на переплетенные пальцы и смотрит на фотографию маленькой себя, вместо того чтобы заняться отчетом. Открытая папка лежит перед ней на столе. Гвенди вздыхает, закрывает папку и отодвигает ее в сторону. Потом включает компьютер и открывает электронную почту. Пробежав глазами несколько дюжин новых сообщений в папке «Входящие», она наводит курсор на письмо от мамы. Письмо отправлено десять минут назад. Гвенди открывает вложение, и на экране появляется скан газетной статьи.

«Касл-Рок колл»

Четверг – 16 декабря 1999

ДВЕ ПРОПАВШИЕ ДЕВОЧКИ

ВСЕ ЕЩЕ НЕ НАЙДЕНЫ

Несмотря на активные поиски двух похищенных девочек в округе Касл, дело так и не сдвинулось с мертвой точки.

Последняя жертва, Карла Хоффман, 15 лет, проживающая на Джунипер-лейн в Касл-Роке, была похищена из собственной спальни вечером во вторник, 14 декабря. В самом начале седьмого старший брат девочки отлучился из дома

буквально на четверть часа, чтобы зайти к однокласснику, живущему через дорогу. Вернувшись домой, он обнаружил, что задняя дверь взломана, а его сестра бесследно исчезла.

«Мы делаем все, чтобы найти этих девочек, – говорит Норрис Риджвик, шериф Касл-Рока. – Нам помогает полиция округа и добровольцы из равнодушных граждан».

Ронда Томлинсон, 14 лет, проживающая в Бриджтоне, пропала по дороге из школы домой во вторник, 7 декабря...

Гвенди хмурится, глядя на экран. Ей хватило первых абзацев. Она закрывает письмо, отворачивается и замирает. Вернувшись к компьютеру, прокручивает список писем вниз. Он тянется бесконечно, но вот наконец появляется нужное письмо. Тоже от мамы, от 19 ноября 1998 года. Тема: «ПОЗДРАВЛЯЮ!»

Гвенди открывает его и нажимает на ссылку. На экране появляется темное маленькое окошко с надписью «С добрым утром, Бостон». Потом включается видеоролик, из динамиков гремят первые такты музыкальной заставки программы «С добрым утром, Бостон». Гвенди приглушает звук.

На экране она видит себя и Деллу Кавано, ведущую популярного утреннего телешоу. Они сидят в студии, друг напротив друга, в кожаных креслах с прямыми спинками. У обеих скрещены ноги, а к воротникам прикреплены микрофоны. По верху экрана бегущей строкой идет надпись: «МЕСТНАЯ ЗНАМЕНИТОСТЬ ВЫХОДИТ НА ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УРОВЕНЬ».

Гвенди морщится от звучания собственного голоса на видео, но не выключает ролик, а делает звук еще тише и, откинувшись на спинку кресла, смотрит свое интервью. Смотрит и вспоминает, как ей было странно – и очень неловко – рассказывать о себе тысячам посторонних людей...

Окончив Университет Брауна в 1984 году, Гвенди возвращается в Касл-Рок, где находит себе подработку на лето, а в сентябре поступает в школу писательского мастерства в Айове. Следующие три месяца она сосредотачивается на учебе. Там же, в Айове, Гвенди пишет начальные главы истории, которая станет ее первой книгой: это семейная драма о нескольких поколениях большого семейства из Бангора.

По окончании курса Гвенди возвращается в Касл-Рок, делает татуировку в виде крошечного птичьего перышка рядом со шрамом на правой ноге (об этом перышке мы расскажем чуть позже) и ищет себе постоянную работу. Она получает несколько весьма заманчивых предложений и останавливает свой выбор на новом, но перспективном рекламном агентстве в Портленде.

Гвенди переезжает в Портленд в конце января 1985-го. Она едет на своей машине, а папа сопровождает ее на арендованном фургоне, набитом подержанной мебелью и картонными коробками с одеждой и невероятным количеством обуви. Он помогает ей обустроиться в съемной квартире на втором этаже многоквартирного дома в центре города.

На следующей неделе Гвенди приступает к работе в агентстве. У нее отличные способности к рекламному делу. Продвижение по службе идет полным ходом. Через полтора года она уже разъезжает по всему восточному побережью, встречается с важными заказчиками и числится в должности старшего менеджера по работе с клиентами.

Несмотря на бешеный график, Гвенди не забывает о своей неоконченной книге. Она постоянно о ней размышляет и посвящает ей все то небольшое свободное время, которое удастся выкроить из плотного рабочего расписания: долгие перелеты, законные выходные, редкие снежные дни и еще более редкие вечера в будни, когда можно не заниматься работой.

На рождественском корпоративе в декабре 1987-го начальник Гвенди представляет ее одному своему старому другу и говорит, что она лучший работник у них в агентстве и не только прекрасный менеджер, но еще и начинающий писатель. Тут выясняется, что жена этого друга – литературный агент, и он подзывает ее и знакомит с Гвенди. Жена искренне рада, что на вечере есть человек, тоже любящий книги. Она вмиг проникается симпатией к Гвенди и уговаривает начинающего автора прислать ей первые пятьдесят страниц рукописи.

Ближе к десятому января агент звонит Гвенди и интересуется, где обещанные страницы. Гвенди, растерянная и смущенная, объясняет: она рассудила, что агент говорила о рукописи просто из вежливости, и ей, Гвенди, не хочется, чтобы к макулатуре, наверняка накопившейся в литагентстве, добавилась еще одна не пригодная для публикации книга. Агент уверяет ее, что не любезничает понапрасну, когда речь идет о работе, и настойчиво требует, чтобы Гвенди выслала рукопись прямо сейчас. В тот же день Гвенди распечатывает первые три главы своего романа и отправляет агенту «Федексом». Через два дня агент снова звонит и просит прислать весь роман.

Проблема только одна: Гвенди еще не закончила книгу.

Вместо того чтобы честно признаться агенту, что книга еще не готова, Гвенди берет на работе отгул – ее первый отгул за два года – и садится писать. Всю пятницу, субботу и воскресенье она сидит за компьютером, пьет галлонами диетическую пепси-колу и стучит по клавишам как заведенная. К вечеру воскресенья она успевает закончить последние шесть глав, а в понедельник, в обеденный перерыв, распечатывает почти три сотни страниц и отправляет их агенту.

Агент звонит через несколько дней и вызывается представлять интересы Гвенди в издательстве. Все остальное, как говорится, уже история.

В апреле 1990 года «Стрекозье лето», дебютный роман двадцативосьмилетней Гвенди Питерсон, выходит в переплете. При восторженных отзывах критиков продажи как-то не впечатляют. Летом того же года роман получает престижную премию имени Роберта Фроста, ежегодную премию Литературного общества Новой Англии, за «образцовое литературное произведение». Почетная награда слегка подстегивает продажи – на пару-тройку сотен экземпляров, да и то с большой натяжкой – и украшает издание в мягкой обложке дополнительными яркими слоганами. Иными словами, это было не самое успешное предприятие.

Все меняется следующей осенью, когда выходит второй роман Гвенди, провинциальный триллер под названием «Ночной дозор». Прекрасные отзывы, отличные продажи. Четыре недели подряд книга держится в списке бестселлеров «Нью-Йорк таймс» наравне с новинками таких мегамонстров, как Сидни Шелдон, Энн Райс и Джон Гришэм.

В 1993-м выходит третья, самая амбициозная книга Гвенди, «Поцелуй в темноте», шестисотстраничный триллер, действие которого происходит на круизном лайнере. Роман держится в списке бестселлеров шесть недель. Также в 1993-м, ближе к рождественским праздникам, на экраны выходит фильм по «Ночному дозору» (с Николасом Кейджем в роли обманутого мужа).

Теперь уже ясно, что Гвенди Питерсон готовится перейти в высшую литературную лигу. Ее агент ожидает семизначную сумму контракта на следующем издательском аукционе. Две крупнейшие киностудии покупают права на экранизацию «Стрекозьего лета» и «Поцелуя в темноте». Гвенди надо лишь следовать тем же курсом, как говорит ее папа.

Но она резко меняет направление, удивив всех.

«Поцелуй в темноте» посвящен человеку по имени Джонатон Риордан. Когда Гвенди только начинала работать в рекламном агентстве в Портленде, именно Джонатон взял ее под крыло и научил многим премудростям рекламного бизнеса. Он мог бы счесть ее своей главной конкуренткой – особенно если принять во внимание незначительную разницу в возрасте; Джонатон был всего на три года старше Гвенди, – но стал ей другом и ближайшим союзником как на работе, так и вне работы. Когда Гвенди в очередной раз закрыла ключи в машине, к кому она обратилась за помощью? К Джонатону. Когда у нее начались неурядицы в личной жизни, с кем она побежала советоваться? С Джонатоном. А сколько они провели замечательных вечеров – после работы, в квартире у Гвенди – за просмотром романтических комедий и поглощением китайской еды прямо из пластиковых контейнеров! Когда Гвенди подписала контракт на свой дебютный роман, первым об этом узнал Джонатон, и на ее первой автограф-сессии он стоял в самом начале очереди с ее книгой в руках. Со временем они очень сблизились, и Джонатон стал для Гвенди старшим братом, которого у нее никогда не было и о котором она мечтала. А потом он заболел. И через девять месяцев его не стало.

Вот тут и случился сюрприз.

Потрясенная смертью лучшего друга, скончавшегося от СПИДа, Гвенди увольняется из рекламного агентства и за девять месяцев пишет книгу – документальный роман-воспоминание о жизни Джонатона, молодого мужчины-гея, и о трагических обстоятельствах его смерти. Закончив книгу, но не избыв свою боль, Гвенди тут же пишет сценарий и лично берется за режиссуру

документального фильма, основанного на истории Джонатона.

Друзья и родные удивлены, но не сильно. Они объясняют ее новую страсть простым и привычным «Гвенди есть Гвенди». Что касается агентов, они, конечно, не выражают недовольства – это было бы бестактно и грубо, – но сильно разочарованы. Ее ждало блестящее будущее, а она обратилась к такой спорной и очень сомнительной теме, как эпидемия СПИДа.

Но Гвенди совсем не волнует, что о ней думают окружающие. Однажды ей было сказано: «Тебе есть что сказать миру... и мир будет слушать». Гвенди Питерсон верит в это всем сердцем.

Книга «Закрой глаза: История Джонатона» выходит в свет летом 1994-го. Она получает хорошие отзывы в «Паблишерз уикли» и «Роллинг стоун», но практически не продается. К концу августа все оставшиеся экземпляры переключивают в корзины с уцененным товаром в самых дальних углах магазинов.

Документальный фильм с тем же названием – совсем другая история. Он выходит вскоре после книги, берет многочисленные призы на различных кинофестивалях и получает «Оскара» как «Лучший документальный фильм». Почти пятьдесят миллионов телезрителей смотрят, как Гвенди, со слезами на глазах, произносит свою благодарственную речь. Следующие два-три месяца она только и делает, что дает интервью национальным изданиям и выступает на утренних и вечерних телевизионных ток-шоу. Ее агенты на седьмом небе от счастья. Она вновь на коне и востребована, как никогда.

Гвенди и Райан Браен, профессиональный фотограф из Андовера, штат Массачусетс, познакомились на съемках документального фильма «Закрой глаза». Они сразу же подружились, и – неожиданно для обоих – эта дружба переросла в отношения.

Одним ясным ноябрьским утром, во время прогулки вдоль реки Ройал неподалеку от Касл-Рока, Райан вынимает из рюкзака кольцо с бриллиантом,

встает на одно колено и делает Гвенди предложение. Гвенди буквально лишается дара речи. Она стоит, обливаясь слезами, и не может произнести ни единого слова. Райан, человек понимающий и деликатный, но при этом упорный в достижении своих целей, встает на другое колено и повторяет предложение:

– Я знаю, ты любишь сюрпризы, Гвенни. Так что скажешь? Хочешь провести со мной остаток жизни?

На этот раз Гвенди сумела ответить.

Они женятся на следующий год, в «домашней» церкви родителей Гвенди в Касл-Роке. Банкет проходит в гостинице «Касл», и, несмотря на одно неприятное происшествие – младший брат Райана выпил лишнего и сломал ногу, пытаясь изобразить зажигательный танец, – все замечательно проводят время. Отцы жениха и невесты сближаются на почве обоюдной любви к вестернам Луиса Ламура, матери жениха и невесты весь день шепчутся и хихикают, как родные сестры. Большинство родственников и знакомых предрекают, что теперь, будучи замужней дамой, Гвенди угомонится и продолжит писать романы.

Но Гвенди Питерсон любит сюрпризы – и новый сюрприз не заставляет себя ждать.

Возмущенная совершенно бездушным и дискриминирующим отношением правительства к людям, больным СПИДом (ее особенно разозлило недавнее постановление конгресса сохранить запрет на въезд в страну для ВИЧ-инфицированных иностранцев, каковых в мире насчитывается более двух с половиной миллионов), Гвенди решает – заручившись поддержкой мужа – баллотироваться в конгресс.

Надо ли говорить, что ее литагенты совсем не рады.

Гвенди вкладывает всю душу в организацию местной предвыборной кампании, и от брошенной искры вспыхивает мощное пламя. Отмечается беспрецедентное число волонтеров, сборы средств превосходят все ожидания. Как пишет один известный обозреватель: «Питерсон, с ее безграничной энергией и обаянием, мобилизовала не только молодых и неопределившихся избирателей, но и просто любопытствующих граждан. В таком приверженном традициям штате, как Мэн, подобный подход имеет все шансы на успех».

И он был прав. В ноябре 1998 года, с перевесом чуть менее чем в четыре тысячи голосов, Гвенди Питерсон побеждает действующего депутата, республиканца Джеймса Леонарда, и получает место в конгрессе от первого округа штата Мэн. В конце декабря, сразу после рождественских праздников, она переезжает в Вашингтон.

Срок депутатских полномочий в палате представителей составляет два года. Гвенди уже отработала одиннадцать месяцев и восемь дней, проповедуя свою идеалистическую идеологию (как выразился диктор «Фокс ньюз» во вчерашней вечерней программе) всякому, кто готов слушать выступления звездной госпожи конгрессмена, как ее иногда называют с явной насмешкой.

На столе Гвенди пищит интерком, прерывая ее мысленное путешествие в прошлое. Она выключает видеоролик и нажимает мигающую кнопку на телефоне.

– Да?

– Прошу прощения за беспокойство, но совещание по отчетному периоду начнется через семь минут.

– Спасибо, Беа. Уже иду.

Гвенди недоверчиво смотрит на часы. Господи, тебе надо работать, а ты просидела сорок пять минут, предаваясь воспоминаниям. Что с тобой происходит? Этим вопросом она в последнее время задается достаточно часто. Гвенди берет со стола две картонные папки с бумагами и поспешно выходит из кабинета.

Как часто бывает в этом уголке мира, более раннее совещание затянулось, так что у Гвенди есть неплохой запас времени. Почти две дюжины парламентариев из палаты представителей толпятся в тесном коридорчике у входа в конференц-зал С-9, поэтому Гвенди встает у кулера в холле, подальше от всех. Она

надеется быстренько просмотреть свои записи, пока ей никто не мешает. Не тут-то было – сегодня явно не ее день.

– Забыли сделать домашнее задание, милочка?

Стиснув зубы, она поднимает взгляд.

Милтону Джексону, долгосрочному представителю штата Миссисипи, семьдесят лет, но выглядит он на все девяносто и похож на всклокоченного грифа, спорхнувшего с ветки и нарядившегося в костюм-тройку. Иными словами, красотой он не блещет.

– Не забыла, – отвечает Гвенди, лучезарно улыбаясь. С самого первого дня в конгрессе она поняла, что Милтон ненавидит людей с позитивными взглядами на жизнь или просто счастливых людей, так что улыбка включается на полную мощность. – Просто делаю дополнительные задания. Как у вас настроение в это прекрасное зимнее утро?

Старик глядит на нее и щурится, словно пытаясь понять, в чем подвох.

– Настроение хорошее, – говорит он ворчливо.

– Милт, оставь человека в покое, – произносит кто-то у них за спиной. – Она тебе во внучки годится.

Гвенди оборачивается к подруге и улыбается по-настоящему.

– Этот ласковый голос я узнаю везде. Доброе утро, Патси.

– И тебе доброе утро, Гвенни. Этот старый хрыч тебе докучает?

Патси Фоллетт лет шестьдесят пять. Она очень милая и крошечная, как Дюймовочка. Даже сейчас, в стильных ботинках на высоченных каблуках, ее рост не превышает пяти футов. Она носит короткую стрижку, красит волосы в платиновый цвет и активно – если не сказать, чрезмерно – пользуется косметикой.

– Нет, мэ. Мы обсуждали стратегию на сегодняшнее совещание. Да, мистер Джексон?

Старик угрюмо молчит и смотрит на них обеих сквозь толстые стекла очков, словно эти дамы – насекомые, имевшие наглость разбиться о лобовое стекло его новенького «мерседеса».

– Кстати о стратегии, – говорит Патси. – Ты так и не отзвонился мне насчет бюджета на образование, Милт.

– Да, я помню, – ворчит он. – Я скажу секретарше, она сообщит тебе дату.

Опустив взгляд, Гвенди видит, что к каблуку старого конгрессмена прилип обрывок туалетной бумаги. Незаметно вытянув ногу, она отцепляет бумажку мыском туфли. Потом потихоньку сдвигает ее к стене, чтобы на нее больше никто не наступил.

– Или, может, ты сам снимешь трубку и позвонишь мне сегодня днем? – говорит Патси, выразительно выгнув бровь.

Милтон хмурится и идет прочь, не сказав больше ни слова. Яростно работая локтями, он пробивается сквозь толпу к входу в зал.

Патси глядит ему вслед и тихонько присвистывает.

– Это ж надо, какая противная рожа. Посмотришь, и сразу не хочется завтракать. И обедать, наверное, тоже.

Гвенди делает большие глаза и пытается не рассмеяться.

– Надо быть добрее.

– Никак не возможно, дитя мое. Сегодня я злая как сто чертей.

Шепот пробегает по толпе, и собравшиеся наконец начинают сдвигаться к залу.

– Что ж, время снова пришло, – говорит Патси.

Гвенди вытягивает руку, пропуская подругу вперед.

– Время для чего?

Патси улыбается, ее крошечное лицо под густым слоем косметики сияет.

– Для доброй драки, конечно.

Гвенди вздыхает и входит в зал следом за Патси.

6

Два часа спустя двери конференц-зала вновь открываются, и толпа из тридцати представителей выплескивается наружу. У всех такой вид, словно им сейчас точно не помешает хорошая доза жаропонижающего или как минимум холодный душ.

– Ты видела, как распалился старик Хендерсон? – говорит Патси, когда они с Гвенди выходят в коридор. – Я думала, его хватит удар прямо за кафедрой.

– Я в жизни не видела, чтобы у кого-то было такое багровое лицо...

Кто-то стремительно обгоняет Гвенди, больно ударив ее плечом. Это их старый сердитый друг, Милтон Джексон.

Патси возмущенно кричит ему вслед:

– Эй, осторожнее, старый хрен!

Гвенди сует папки под мышку и потирает ушибленное плечо.

– Все нормально?

– Нормально, – отвечает Гвенди. – Не надо было так на него кричать.

– Почему нет? Он сам ведет себя как скотина. – Патси пристально смотрит на Гвенди. – Ты вообще не умеешь злиться?

Гвенди пожимает плечами.

– Наверное, нет.

– Попробуй при случае. Тебе сразу же полегчает.

– Хорошо. В следующий раз, если что-то подобное повторится, я назову его...
ходячим примером того, почему следует ограничить срок полномочий.

– Тсс, – говорит Патси, когда они входят в лифт. – Ты теперь тоже одна из нас.

Гвенди смеется и нажимает кнопку нужного им этажа.

– Есть какие-то подвижки с фармацевтическими компаниями?

Гвенди качает головой и говорит, понизив голос:

– После массового убийства подростков в школе «Колумбайн» все сосредоточилось на контроле над оборотом оружия и на охране психического здоровья. И это понятно, я никого не виню. Просто мне хочется, чтобы люди, от которых зависит благополучие граждан, все же умели удерживать внимание как взрослые, а не как малыши в ясельной группе. Еще три месяца назад у меня были почти все нужные голоса. А сейчас не наберется и половины.

Двери лифта открываются, Гвенди с Патси выходят в малолюдный коридор.

– Добро пожаловать в большую политику, подруга. Тут у нас как на качелях, то вверх, то вниз. Так что жди взлета.

– Сколько лет вы в конгрессе, Патси?

– Я представляю второй округ почтенного штата Южная Каролина уже шестнадцать лет.

Гвенди тихонько присвистывает.

– Но как?.. – Она умолкает, не договорив.

– Как я это выдерживаю?

Гвенди смущенно кивает.

Патси кладет руку ей на плечо.

– Послушай, милая, я знаю, о чем ты думаешь. Как тебя угораздило очутиться в этом хаосе? Ты не проработала еще и года, но уже горько разочарована, у тебя больше нет сил, и ты ждешь не дожدهшься, когда закончится срок полномочий и можно будет сбежать без оглядки.

Гвенди ошеломленно смотрит на нее.

– Я совсем так не думала...

Патси небрежно машет рукой.

– Мы все через это прошли, можешь не сомневаться. Втянешься потихоньку. Все войдет в свою колею. А если нет, если почувствуешь, что ты на пределе, тогда зови меня, и мы вместе что-нибудь придумаем.

Гвенди крепко ее обнимает и думает: Как будто обнимаешь ребенка.

– Спасибо, Патси. Вы ангел.

– Ни в коем случае. Я злая старуха, которая ненавидит все человечество. Но ты не такая, как все остальные, Гвенни. Ты особенная.

– В последнее время я что-то не чувствую себя особенной, но все равно спасибо.

Патси уже идет прочь, но Гвенди ее окликает:

– Вам и вправду знакомо это ощущение?

Патси оборачивается и встает подбоченясь.

– Милая Гвенни, если бы мне давали по пять центов каждый раз, когда я ощущала себя точно так же, как ты ощущаешь себя теперь, у меня все равно не набралось бы сдачи с четвертака.

Гвенди смеется.

– И что это значит?

Патси пожимает плечами.

– Понятия не имею. Так любил говорить мой покойный супруг, когда хотел сказать что-то умное. Вот с тех пор и привязалось.

7

Гвенди входит в приемную перед своим кабинетом, чувствуя себя лучше, чем в последние дни. Как будто с груди сняли камень, и она снова может дышать.

Седовласая секретарша прекращает стучать по клавишам и отрывается от экрана компьютера.

– Было два телефонных звонка. Я оставила сообщения у вас на столе. И уже скоро должны принести обед. Я заказала вам сэндвич с индейкой и картофель фри.

Если Гвенди иногда представляет (разумеется, втайне; она никогда не сказала бы этого вслух) свою подругу Патси Фоллетт в образе феи Динь-Динь, миниатюрного ангела-хранителя с волшебной палочкой из своего детства, то ее секретарь Беа Уайтли – это, конечно же, тетушка Беа, любимая тетя шерифа Тейлора в легендарном телесериале «Шоу Энди Гриффита».

Внешне они совсем не похожи (начнем с того, что Беа Гвенди – афроамериканка), зато похожи во всем остальном. Прежде всего, имя. Сколько вы знаете женщин по имени Беа или хотя бы Беатрис? И вот еще неоспоримые факты: миссис Уайтли – прирожденная нянька, превосходная повариха, очень надежный и преданный друг и самая добрая и душевная из всех женщин на свете. Соединим все эти качества в одном человеке, и кого мы получим? Правильно, тетушку Беа.

– Вы спасаете мне жизнь, – говорит Гвенди. – Спасибо.

Беа берет лист бумаги с края стола.

– И я распечатала вам расписание на завтра. – Она встает и вручает листок Гвенди.

Госпожа конгрессмен хмурится, глядя на распечатку.

– Почему у меня ощущение, что сегодня последний день в школе перед рождественскими каникулами?

– Последний день в школе был явно веселее, чем тут у нас. – Беа снова садится за стол. – Как себя чувствует ваша мама?

– У нее все хорошо. После последней химиотерапии прошло уже полтора месяца. Онкомаркеры в норме.

Беа прижимает руки к груди.

– Слава Богу!

– Но папа сводит ее с ума. Знаете, что он удумал? – Не дожидаясь ответа, Гвенди продолжает: – Он хочет снять со счетов все сбережения и закопать их на заднем дворе. Потому что уверен, что банковская компьютерная система обрушится из-за Проблемы двухтысячного года. Мама ждет не дождется, когда он снова выйдет на работу.

– Тем более надо скорее отправляться домой, – говорит Беа. – Вы летите завтра вечером?

Гвенди качает головой.

– В субботу утром. Перед отъездом надо закончить кое-какие дела. А вы с Тимом когда улетаете?

– В понедельник летим в Колорадо, к моей сестре. Будем там до среды, а потом – к детям. Кстати о детях... можно вас попросить подписать для них пару книг? За книги я заплачу. Я не прошу их в подарок или...

Гвенди выставляет руку ладонью вперед.

– Даже не думайте, Беа. И, пожалуйста, больше не заикайтесь о деньгах. Я с удовольствием подпишу книги.

– Спасибо, миссис Питерсон. Я очень вам благодарна. – В голосе Беа звучит искренняя благодарность и столь же искреннее облегчение.

– Отдыхайте спокойно и наслаждайтесь общением с семьей.

– Вся семья в полном составе под одной крышей на целую неделю? Это будет... интересно.

– Это будет чудесно, – говорит Гвенди.

Беа закатывает глаза.

– Ну, если вы так считаете...

– Я так считаю. – Гвенди смеется, заходит к себе в кабинет и закрывает за собой дверь.

8

Она кладет папки с отчетами обратно в стопку и садится за стол. Тянется за ежедневником, но рука замирает в воздухе.

Рядом с клавиатурой лежит блестящая серебряная монета.

Протянутая рука начинает дрожать. Сердце бешено бьется в груди, и вдруг становится нечем дышать.

Гвенди знает, что это за монета, еще до того, как успевает ее рассмотреть. Моргановский серебряный доллар 1891 года выпуска. Она уже такие видела.

Знакомый голос, мужской голос, шепчет ей в ухо: «Почти пол-унции чистого серебра. Создан Джорджем Морганом, которому в ту пору было всего тридцать лет. Моделью для головы Свободы послужила Анна Уиллесс Уильямс, филадельфийская матрона. Ее портрет в профиль изображен на аверсе монеты, то есть на лицевой стороне...»

Гвенди резко оборачивается, но рядом никого нет. Она обводит взглядом кабинет и ждет, что вновь услышит голос. У нее ощущение, что она только что видела привидение – и, может быть, так и было. Все остальное вроде бы на своих местах. Гвенди легонько касается монеты кончиком пальца. Монета прохладная – и настоящая. Ей не мерещится. Это не помутнение рассудка из-за стресса.

С бешено колотящимся сердцем Гвенди медленно пододвигает монету ближе к себе, едва касаясь ее большим пальцем. Наклоняется, чтобы лучше рассмотреть.

Серебряный доллар в отличной сохранности, и она оказалась права: это Моргановский доллар 1891 года выпуска. Анна Уильямс улыбается ей, глядя немигающими серебряными глазами.

Гвенди рассеянно вытирает руку, касавшуюся монеты, о рукав блузки. Поднимается из-за стола и медленно обходит кабинет по кругу. У нее ощущение, будто она проснулась после долгого сна. Она ударяется коленом о закругленный край журнального столика, но не замечает этого. Резко изменив направление, она подходит к встроенному шкафу, единственному месту во всем кабинете, где может спрятаться человек. Гвенди делает глубокий вдох, мысленно считает до трех – и распахивает дверцу.

Она быстро делает шаг назад, прикрывая лицо руками, и чуть не падает – но в шкафу никого нет. Только пальто и свитера на вешалках, а внизу – туфли, кроссовки и новые зимние сапоги в магазинной коробке.

Вздыхнув с облегчением, Гвенди закрывает шкаф и опять поворачивается к столу. Серебряный доллар лежит, где лежал, и блестит в электрическом свете горячей под потолком лампы. Гвенди уже собирается позвать Беа, но тут ее взгляд падает на шкаф для бумаг в дальнем углу. На шкафу стоит папин подарок, бронзовый бюст Джошуа Чемберлена, героя Гражданской войны, уроженца штата Мэн.

Гвенди подходит к шкафу и выдвигает верхний ящик. Ящик набит бумагами, в папках и россыпью. Гвенди закрывает его и выдвигает следующий ящик. Быстро осматривает содержимое, закрывает. Затаив дыхание, встает на колени и выдвигает самый нижний ящик.

И да, вот он: пульт управления.

Красивая лакированная шкатулка из красного дерева, густо-коричневого и как будто мерцающего алыми искрами под слоем лака. Примерно пятнадцати дюймов в длину, около фута в ширину, а в высоту вдвое меньше. На крышке – шесть кнопок в три ряда по две и еще по одной с двух сторон от рядов. Всего восемь штук. Пары такие: светло-зеленая и темно-зеленая, желтая и оранжевая, синяя и фиолетовая. Одна одиночная кнопка – красная. Другая – черная. Есть еще два рычажка по краям и что-то похожее на прорезь посередине.

На мгновение Гвенди забывает, где она и сколько ей лет – забывает о том, что на свете есть добрый и чуткий человек по имени Райан Браен. Ей снова двенадцать, она сидит на полу перед шкафом у себя в комнате, в маленьком городке Касл-Рок, в штате Мэн.

Он выглядит в точности так же, как тот самый пульт, думает она. Потому что это и есть тот самый пульт. Ошибиться невозможно, даже спустя столько лет.

У нее за спиной раздается громкий стук в дверь. Гвенди чуть не теряет сознание.

9

– У вас все в порядке, госпожа конгрессмен? Я стучала, вы долго не отзывались.

Гвенди отступает от двери, впуская секретаршу в кабинет. В руках у Беа поднос с едой. Она ставит его на стол и оборачивается к начальнице. Если Беа и заметила серебряный доллар, то не подала виду.

– У меня все в порядке, – говорит Гвенди. – Но мне немного неловко. Я читала отчеты и, кажется, задремала.

– Наверное, вам что-то снилось. Я слышала, как вы стонали.

Если бы вы знали, думает Гвенди.

– Вы уверены, что у вас все в порядке? – снова спрашивает Беа. – Вы меня извините, но вид у вас странный. Вы какая-то бледная и напуганная, как будто увидели привидение.

В самую точку, думает Гвенди и с трудом подавляет нервный смешок.

– Сегодня утром я бегала дольше обычного и почти не пила воды. Наверное, у меня обезвоживание.

Беа хмурится, явно не убежденная.

– Я принесу вам побольше воды. Сейчас вернусь. – Она идет к двери.

– Беа?

Беа останавливается на пороге и оборачивается к Гвенди.

– Кто-нибудь заходил ко мне в кабинет, пока я была на совещании?

Беа качает головой:

– Нет, мэ.

– Вы уверены?

– Да, мэ, – говорит Беа, обводя взглядом кабинет. – Что-то не так? Нужно вызвать охрану?

– Нет-нет. – Гвенди подходит к секретарше и мягко выпроваживает ее из кабинета. – Но, может быть, нужно вызвать врача, а то в последнее время меня всегда клонит в сон после обеда.

Беа улыбается, но как-то бледно и неуверенно, и идет за водой.

Гвенди закрывает дверь и возвращается к шкафу для бумаг. Она знает, что у нее мало времени. Она снова встает на колени и выдвигает нижний ящик. Пульт нигде не исчез. Он по-прежнему там: буквально искрится в ярком электрическом свете и ждет ее.

Гвенди тянется к нему двумя руками, но замирает в нерешительности. Ее пальцы застревают в паре дюймов от полированной поверхности. Она чувствует, как волосы у нее на руках встают дыбом. Слышит какой-то едва различимый шепот в самых глубинах сознания. Собравшись с духом, она осторожно вынимает из ящика пульт. И как только берет его в руки, ее накрывает волной воспоминаний...

Когда Гвенди была маленькой, каждое лето – обычно ближе к Четвертому июля – папа вытаскивал с чердака старую картонную коробку с надписью «СЛАЙДЫ». Он торжественно ставил старенький диапроектор на журнальный столик в гостиной, вешал проекционный экран перед камином и выключал свет. Для него это было большое событие. Мама делала лимонад и готовила попкорн. Каждый слайд папа сопровождал небольшим рассказом, включив, как он выражался, «свой лучший голливудский голос», и устраивал театр теней в перерывах. Гвенди обычно сидела на диване между мамой и папой, но иногда к ним приходили соседские детишки, и тогда Гвенди сидела на полу перед экраном вместе со своими друзьями. Кое-кто из ребят откровенно скучал и уходил, не досидев до конца, под каким-нибудь благовидным предлогом («Ой, извините, мистер Питерсон, но я только что вспомнила, что обещала маме убратся в комнате»), но Гвенди никогда не бывало скучно. Ее завораживали картинки на экране и истории, изображенные на этих картинках.

Как только Гвенди касается пульта – впервые за пятнадцать лет, – у нее перед глазами проносится серия ярких картинок наподобие папиного слайд-шоу. Каждая картинка рассказывает свою собственную тайную историю.

– 22 августа 1974 года, и незнакомый мужчина в черном пиджаке и аккуратной маленькой черной шляпе запускает руку под скамейку в парке Касл-Вью и вынимает холщовый мешок на завязках. Открывает его и достает очень красивую лакированную шкатулку из красного дерева...

– раннее утро в начале сентября, Гвенди стоит перед шкафом у себя в комнате и одевается в школу. Закончив одеваться, она кладет в рот крошечную шоколадку и закрывает глаза от восторга...

– средняя школа; Гвенди разглядывает себя в большом зеркале и понимает, что она не просто хорошенькая, а настоящая красotka, и она больше не носит очки...

– предпоследний класс; Гвенди сидит на диване в гостиной и с ужасом смотрит на телеэкран, где сменяют друг друга кошмарные кадры с распухшими, облепленными мухами трупами...

– поздняя ночь, в доме по-кладбищенски тихо, Гвенди сидит в темноте у себя на кровати, скрестив ноги, держа на коленях пульт управления; она сосредоточенно жмурится и жмет большим пальцем красную кнопку, а потом напряженно прислушивается в ожидании грохота...

– теплый весенний вечер, Гвенди истошно кричит, два молодых парня, сцепившись в драке, врезаются в ночной столик, сбивают на пол косметику и расчески, а потом падают прямо в открытый шкаф, срывая вешалки с одеждой, и тощая, грязная рука с синими татуировками, оплетающими тыльную сторону ладони, хватая пульт управления и обрушивает его углом вниз прямо на голову парня Гвенди...

Гвенди хватая ртом воздух и возвращается в Вашингтон, в «здесь и сейчас» – и медлить нельзя ни секунды. Она на четвереньках ползет к столу, и ее рвет прямо в мусорное ведро.

11

Ввиду непомерно высоких расходов на содержание жилья в двух разных штатах многие депутаты первого года созыва вынуждены либо снимать крошечную конуру по безбожно завышенным ценам (большинство этих квартир располагается в сырых подвалах без вентиляции), либо арендовать таунхаус или большую квартиру вскладчину с многочисленными соседями. Многие именно так и делают и не ропщут. Все равно они редко бывают дома. Они работают допоздна и приходят домой только принять душ и поспать или, если повезет, поесть без спешки.

Гвенди Питерсон не пришлось выбирать из двух зол. Благодаря успеху ее романов и последующих экранизаций она может позволить себе без каких-либо финансовых затруднений снять трехэтажный таунхаус в двух кварталах от здания конгресса. Но ей все равно неудобно перед коллегами за роскошные жилищные условия, и если кому-то вдруг негде остановиться, она всегда предлагает переночевать у нее.

Однако сегодня вечером, когда Гвенди сидит на диване в гостиной, ест китайскую лапшу с креветками из картонной коробочки и невидящим взглядом таращится в телевизор, она очень рада, что у нее есть возможность снимать отдельное жилье, и еще сильнее рада, что сейчас нет гостей.

Пульт управления лежит рядом с ней на диване и выглядит совершенно неуместным – почти как детская игрушка – в стерильной обстановке арендованного таунхауса. Весь день Гвенди ломала голову, как вынести пульт с работы. Наконец она вытряхнула из коробки новые сапоги, положила в коробку пульт и просто вынесла его, не скрываясь. К счастью, служба охраны конгресса проверяла только сотрудников, входивших в здание, а не выходивших из него.

По телевизору идет реклама нового фильма с Томом Хэнксом, но Гвенди этого не замечает. Она сидит на диване уже два часа и вставала всего один раз, чтобы открыть дверь курьеру, доставившему еду. В голове крутится вихрь вопросов. Несколько дюжин вопросов сменяют друг друга в хаотичной последовательности, и еще несколько дюжин дожидаются своей очереди, скромно стоя в сторонке.

Два вопроса возникают наиболее часто, словно запись, поставленная на повтор:

Почему ей вернули пульт?

Почему именно теперь?

12

Гвенди никогда никому не рассказывала о пульте управления. Ни мужу, ни родителям, ни психологу, к которому ходила дважды в неделю на протяжении полугода, лет десять назад.

Когда-то пульт управления занимал все ее мысли, она была одержима заключенной в нем силой и тайной, но с тех пор прошло много лет. Теперь ее воспоминания о пульте похожи на разрозненные обрывки сна, который часто снился ей в детстве, а теперь почти позабылся, затерявшись в бесконечном

лабиринте взрослой жизни. Как говорится, с глаз долой, из сердца вон.

Конечно, она не раз вспоминала о нем за пятнадцать лет, миновавших с тех пор, как он исчез из ее жизни, но – она поняла это только теперь, буквально час назад – совсем не так часто, как, по идее, должна была бы вспоминать, с учетом той роли, которую пульт сыграл в ее детстве и юности.

Теперь, уже задним числом, она понимает, что были недели и даже месяцы, когда она ни разу не вспоминала о пульте, а потом – бац – по телевизору передавали сюжет новостей о какой-то загадочной, вроде бы природной катастрофе, произошедшей в какой-то далекой стране, и Гвенди тут же представлялось, как кто-то сидит в машине или дома, за кухонным столом, и держит палец на красной кнопке.

Или она натыкалась в Сети на заметку о человеке, нашедшем клад у себя во дворе, и кликала на ссылку, чтобы проверить, не было ли в этом кладе Моргановских серебряных долларов 1891 года выпуска.

И бывали еще неприятные моменты – к счастью, достаточно редко, – когда по радио или по телевизору шла передача о массовом самоубийстве сектантов из общины Джонстаун в Гайане и Гвенди случайно ее заставляла. Когда это происходило, ее сердце замирало и отзывалось мучительной болью, и Гвенди на несколько дней погружалась в черную дыру депрессии.

И, конечно же, стоит вспомнить все те разы, когда ей на глаза попадалась аккуратная маленькая черная шляпа – на голове быстро идущего человека в толпе прохожих на людной улице или на столике уличного кафе, рядом с чашкой горячего кофе либо запотевшим стаканом холодного лимонада, – и она, разумеется, сразу же вспоминала мужчину в черном пиджаке. Она вспоминала о Ричарде Фаррисе и его черной шляпе гораздо чаще, чем обо всем остальном. Этот загадочный мистер Фаррис постоянно маячил на краешке ее сознания, всегда готовый занять ее мысли. Именно его голос она услышала у себя в голове, когда нашла пульт в кабинете, и именно его голос она слышит теперь, сидя в гостиной в своем арендованном доме: «Береги пульт, Гвенди. Он дарит подарки, но это маленькая компенсация за большую ответственность. И будь осторожна...»

И что же это за подарки, которые так охотно раздает пульт?

Хотя Гвенди не видела, как из него выдвигалась узенькая деревянная дощечка с серебряным долларом, она точно знает, откуда взялась монета у нее на столе. Монета, пульт; пульт, монета; все сходилось.

Значит ли это, что если сейчас потянуть за другой рычажок – тот, что слева, рядом с красной кнопкой, вспоминает Гвенди, как будто это было вчера, – пульт выдаст крошечную шоколадку? Может быть. А может быть, и нет. С этим пультом ни в чем нельзя быть уверенной до конца. Еще тогда, пятнадцать лет назад, Гвенди не сомневалась, что он таит в себе много секретов, а теперь ее уверенность лишь укрепилась.

Она легонько касается рычажка самым кончиком пальца и вспоминает крошечные, не крупнее мармеладных драже, шоколадки в виде зверюшек, восхитительно сладкие и всегда разные. Она вспоминает свою самую первую шоколадку, которую выдал ей пульт – на скамейке на Касл-Вью, под пристальным взглядом Ричарда Фарриса. Это был шоколадный кролик, и проработка деталей поражала воображение – шерстка, ушки, крошечные симпатичные глазки! Потом были котенок, белка и жираф. Дальше память подводит, но Гвенди помнит достаточно: съешь одну шоколадку – и больше тебе не захочется еще долго; ешь шоколадки регулярно – и изменишься, станешь сильнее, быстрее, умнее. Будешь буквально кипеть энергией и постоянно выигрывать – в любой игре. А еще шоколадки улучшают зрение и убирают прыщи. Хотя, возможно, прыщи прошли сами, когда миновал переходный возраст? Иногда трудно понять.

Гвенди опускает взгляд и вдруг с ужасом видит, что ее палец сдвинулся от рычажка на боковой стороне пульта к рядом разноцветных кнопок. Она отдергивает руку, словно сунула ее в осиное гнездо.

Но уже поздно – голос вернулся:

«Светло-зеленая кнопка: Азия. Темно-зеленая: Африка. Оранжевая: Европа. Желтая: Австралия. Синяя: Северная Америка. Фиолетовая: Южная Америка».

– А красная кнопка? – спрашивает Гвенди вслух.

«Все что захочешь, – отвечает ей голос. – И тебе обязательно что-то захочется, обладателю пульта всегда чего-то хочется».

Она трясет головой, пытаясь прогнать этот голос, но он еще не закончил.

«Кнопки нажимаются очень туго, – говорит Фаррис. – Придется жать большим пальцем и прилагать силу. Но это и к лучшему, уж поверь мне на слово. С ними не следует ошибаться, о нет. Особенно – с черной».

Черная кнопка... когда-то Гвенди называла ее Раковой кнопкой. При одном только воспоминании ей становится не по себе.

Звонит телефон.

И во второй раз за сегодняшний день Гвенди едва не теряет сознание.

14

– Райан! Я так рада, что ты позвонил!

– Я пытался тебе дозвониться... дней, – говорит он, его голос на миг пропадает среди шумов. – Здесь совершенно кошмарная телефонная связь.

«Здесь» – это на маленьком острове Тимор в южной части Малайского архипелага. Он уехал туда в начале декабря вместе с журналистской бригадой «Таймс» для освещения гражданских беспорядков.

– У тебя все хорошо? – спрашивает Гвенди. – Там безопасно?

– У меня все хорошо. Правда, я воняю, как будто... две недели в хлеву.

Гвенди смеется. Слезы счастья текут у нее по щекам. Поднявшись с дивана, она ходит по комнате туда-сюда.

– Ты успеешь вернуться домой к Рождеству?

– Не знаю, милая. Я надеюсь, что да. Но... становится напряженно.

– Я понимаю. – Гвенди кивает. – Будем надеяться, ты ошибаешься, но я все понимаю.

– Как здоровье... – говорит он и опять пропадает.

– Что? Я тебя плохо слышу.

– Как здоровье твоей мамы?

Гвенди улыбается – и замирает.

Она смотрит на занавешенное окно в верхней части кухонной двери. Может, ей просто почудилось? Через пару секунд, когда она почти убедила себя, что ей действительно показалось, за окном снова мелькает тень. На веранде кто-то есть.

– ...меня слышишь? – говорит Райан, испугав Гвенди.

– У нее все хорошо. – Гвенди медленно входит в кухню и выдвигает ящик под разделочным столом. – Набирает вес, ходит на осмотры. – Она вынимает из ящика большой острый нож и прижимает к ноге.

– Попрошу ее... оладьи по ее секретному рецепту, когда... домой.

– Ты скорее приезжай, а уж мама тебя накормит.

Он смеется и говорит что-то еще, но его голос тонет в оглушительном треске помех, а потом наступает мертвая тишина.

– Алло! Алло! – Гвенди убирает телефон от уха, чтобы взглянуть на экран. – Черт.

Связь прервалась.

Гвенди кладет телефон на разделочный стол и, пригнувшись, крадется к двери. Добравшись до последнего шкафчика, преодолевает оставшиеся пару футов и встает прямо перед дверью. Не давая себе времени на раздумья, чтобы не растерять всю решимость, издает пронзительный вопль, выпрямляется в полный рост, одной рукой включает свет на веранде, а другой резко отодвигает занавеску, подцепив ее острием ножа.

Кто бы там ни стоял, его уже нет. Гвенди видит только свое перепуганное отражение в дверном окне.

15

Первое, что делает Гвенди после того, как берет телефон со стола (даже прежде чем убедиться, что входная дверь закрыта на все замки), – мчится в гостиную и проверяет, на месте ли пульт. В голове мелькает пугающая мысль, что человек, притаившийся у задней двери, попросту отвлекал ее внимание и, пока она была в кухне, его сообщник пробрался в дом через переднюю дверь и украл пульт.

Она вся обмякает от облегчения, когда видит, что пульт управления лежит на диване – там же, где она его и оставила.

Чуть позже, когда она поднимается в спальню с пультом в руках, ей вдруг приходит в голову, что у нее не возникло даже мысли о том, чтобы рассказать о нем Райану. Она убеждает себя, что все дело в прервавшейся связи, но сама понимает, что это лишь отговорка. Пульт управления вернулся к ней, и только к ней. И больше ни к кому.

– Это мой пульт, – говорит она, входя в спальню.

И ежится от горячности, что звучит в ее голосе.

17 декабря 1999 года, последний рабочий день перед трехнедельными каникулами в конгрессе, Гвенди проводит словно во сне. Первые пятнадцать минут уходят на то, чтобы уверить Беа, что она чувствует себя хорошо и ей вовсе не надо отпрашиваться с работы (вчера запаниковавшая секретарша чуть было не вызвала «Скорую», обнаружив, что Гвенди стошнило в мусорное ведро; к счастью, Гвенди удалось ее убедить, будто она съела что-то не то за завтраком, и Беа успокоилась, но все равно настояла, чтобы Гвенди ушла домой раньше на сорок минут), а все оставшиеся восемь с половиной часов Гвенди упорно борется с желанием сорваться домой и проверить, все ли в порядке с пультом управления.

Ей не хотелось оставлять его в доме, особенно после того, как вчера вечером ее напугала тень за кухонной дверью, но выбора не было. Неизвестно, как рентгеновские аппараты на контрольно-пропускных пунктах отреагируют на этот пульт. И что еще больше тревожит Гвенди: как сам пульт отреагирует на рентгеновские аппараты? Она не знает, как он устроен внутри и из чего вообще сделан, и поэтому лучше не рисковать.

Перед выходом из дома она спрятала пульт в кладовке под лестницей. Положила его в самом дальнем углу, окружила со всех сторон картонными коробками с книгами, а сверху прикрыла ворохом зимних курток. Потом закрыла кладовку, заперла входную дверь на все замки и пошла на работу. Она возвращалась домой с полдороги – проверить, на месте ли пульт – всего дважды, а с третьей попытки заставила себя дойти до работы.

Последний рабочий день Гвенди проходит словно в тумане, сотканном из безликих голосов и фоновых шумов. Утром – несколько телефонных конференций, после обеда – два коротеньких совещания. Она плохо помнит, о чем говорилось на совещаниях. И совершенно не помнит, что ела на обед.

Ровно в пять часов вечера она запирает свой кабинет, идет поздравить коллег с Рождеством и вручает подарки: Патси – набор ароматических свечей и солей для ванны, Беа – кашемировый свитер, браслет и стопку подписанных книг для ее

детей. После взаимных добрых пожеланий и прощальных объятий Гвенди мчится на выход.

17

– Я буду скучать без вашей улыбки, госпожа конгрессмен.

– Я тоже буду скучать, – говорит Гвенди, остановившись у поста охраны. Она вынимает из сумки небольшую коробку, завернутую в подарочную бумагу со снеговиками, и вручает ее великану-охраннику. – С Рождеством, Гарольд.

Гарольд смотрит на нее, открыв рот. Медленно протянув руку, забирает подарок.

– Это мне... Правда мне?

Гвенди улыбается и кивает:

– Конечно, Гарольд. Я никогда не оставила бы без подарка своего любимого начальника службы охраны.

– Начальника?.. – Он растерянно хмурится, потом улыбается, сверкнув золотыми зубами. – А, я понял. Вы шутите.

– Открывайте подарок, балбес.

Мощные пальцы атакуют упаковочную бумагу и вынимают блестящую черную коробку с золотой надписью «Булова» на крышке. Гарольд открывает коробку, глядит и не верит своим глазам.

– Вы купили мне часы?

– Я заметила, как на прошлой неделе вы любовались часами конгрессмена Андерсона, – говорит Гвенди. – И подумала, что вы заслужили такие же.

Гарольд открывает рот, но не произносит ни слова. Гвенди с удивлением замечает, что у него дрожит подбородок, а глаза подозрительно блестят.

– Я... Мне никогда не дарили таких подарков, – наконец выдавливает он. – Это лучший подарок из всех, что я получал за всю жизнь. Спасибо.

Гвенди улыбается, и впервые за сегодняшний день у нее возникает чувство, что, возможно, все будет хорошо.

– Я рада, что вам понравилось, Гарольд. Счастливого Рождества. И передайте мои наилучшие пожелания вашей супруге. – Ласково похлопав его по руке, она поворачивается, чтобы уйти.

– Не так быстро, – говорит Гарольд, вскинув ладонь. Он нагибается, достает из-под стойки упакованный подарок и вручает его Гвенди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/chizmar_richard/gvendi-i-ee-volshebnoe-peryshko

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)